

DOI 10.5862/JHSS.251.16
УДК 316.37

С.А. Мартынова

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ТРАВМАТИЧНЫЙ ДРУГОЙ

Рассмотрена проблема отчуждения людей друг от друга в ситуации современности, ведущего к формированию специфической субъективности за границами экзистенциального взаимодействия. Определены причины изоляции. Дан анализ травматичного существования человека как субъекта общественных коммуникаций. Для репрезентации кризисной субъективности применен концепт социальной изоляции, который рассмотрен в контексте философии события. Методами аналитики трансгрессивного отчуждения человека в позициях изоляции выступили диалогическая герменевтика, структурный метод и стратегии философии события. Ограничение коммуникации или отказ субъекта от многообразной открытости мира представлены как реакция на травмирующее присутствие Другого. Показаны особенности формирования изоляции, а также названы причины отчужденного состояния в индивидуальном существовании и трансформационных процессах социокультурной реальности.

СУБЪЕКТИВНОСТЬ; СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ; ДРУГОЙ; МАССОВОЕ; ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ; КОММУНИКАЦИЯ; СОБЫТИЙНАЯ МЫСЛЬ.

Отчуждающие действия постсовременности, имеющие нарастающий характер, сопровождаются переприсвоением жизненного пространства – стремление субъекта обрести себя одновременно предстает как отдаление от другого человека. Если модерн с его принципиальной установкой на будущее как бы «промахивал» сквозь настоящее, то ситуация постсовременности еще более усложнена размещенностью в фантазматической ирреальности, где легитимные законы права, нравственности и жизненного поведения оказались во многом смещенными. Формируется пассивное поле социального поведения – субъективность реально формируется поверх легитимной нормологии. Отсюда, с одной стороны, интерес к трансгрессивному опыту, а с другой – всепоглощающая инертность и социальная изоляция субъектов.

В такой ситуации поиск оснований индивидуального существования, а также избегание травмирующего настоящего (террор, война, болезни) делают установление человеком социальных контактов ненужным – он адаптируется к миру за пределами личностных отношений и экзистенциальной коммуникации. Соответственно при изоляции усилия субъекта негативно ориентированы – они направлены на

сохранение привычных мест и ситуаций существования, стабилизацию повседневного опыта, что связано с радикальным ограничением многообразия человеческих отношений.

Рассмотрим травматичное существование человека как субъекта социальных отношений и попробуем выявить причины разобщения субъектов в сфере индивидуального существования и трансформационных процессах социокультурной реальности.

Проблема существования человека «в миру» и «за пределами мира», как отмечает В. Декомб, актуально была заявлена еще стоической школой в эллинистическую эпоху. Позиция вызывает удивление исследователя: «Каким образом стоики могли одновременно предлагать этику радикального отречения и мораль активного участия в мирских делах?» [6, с. 298]. Ответ на вопрос состоит в том, что стоики в условиях кризиса общества и распада ориентиров существования призывают человека действовать в согласии с интересами общества и при этом пребывать в уединении и стремиться к атараксии. Ограничение современным человеком межличностного взаимодействия противопоставлено позиции активного действия в обществе и в качестве причины имеет неудовлетво-

ренность жизнью в социуме, что понуждает к выходу из нее в состояние изоляции.

Важно отметить, что возникающая изоляция принципиальным образом отлична от «законной» изоляции человека социумом, который оценивает людей с позиций «нормологии» и определяет им в случае несовпадения с нормой специальное, обособленное от открытой общественной жизни *место*. Так, М. Фуко, разрабатывая мысль о принуждении человека обществом к ограничению социального взаимодействия, в работе «История безумия в классическую эпоху» говорит о положении людей, которые не совпадают с устанавливаемой нормой. Исключение человека из многообразия социальных контактов выступает как «строгая изоляция человека, когда он исключается из социума, но духовно реинтегрируется в него» [13, с. 28].

Избирательное стремление человека к социальной изоляции не может быть понятно исключительно с позиции общепринятой нормологии. По мысли А.А. Грякалова, «опыт субъективности „встроен“ в событие как его создание и освоение — в последующем субъективность воспроизводится, приобретая дискурсивно-архетипические свойства» [4, с. 35]. Иными словами, происходит скрытое производство специфической субъективности, где первичное экзистенциальное отчуждение способно приводить к радикальной изоляции членов социума.

Обращение к другому человеку выступает пространством опасности и непредвиденной травмирующей коммуникации. Ж. Лакан, выявляя сложность обращения к другому на «ты», объясняет ее тем, что «налицо искушение приручить Другого, Другого доисторического, того незабываемого Другого, который того и гляди застанет нас врасплох и сбросит нас с высоты своим появлением. В этом „ты“ чудится нам какая-то защита» [9, с. 75]. Обратим внимание, что Другой, с позиции Лакана, — фигура, вызывающая страх и обращающая к поиску спасения.

Как может спастись человек в ситуации чувства опасности перед встречей с неизведанным и непредсказуемым Другим? Практики аутистов, людей, подвергнувшихся депривации в детстве, и так называемых «диких детей», воспитывавшихся вдали от людей животными

(*маугли*), свидетельствуют о том, что изоляция является спасением от непонятого и чуждого мира, вызывающего непонимание, недоверие и пугающего многообразием непредсказуемых отношений.

Соответственно в исследованиях, которые обращены к опыту людей, предпочитающих изоляцию, подчеркивается значимость собственного пространства и собственной территории субъектов при уходе от многообразия социальных связей. Причиной этого выступает принципиальная невозможность создания в субъективном опыте оппозиции внутреннего/внешнего.

Так, Е. Остащенко, анализируя книгу Э. Лорана «Война аутизма», отмечает следующее: «В случае аутизма топология пространства влечений ограничена особым отношением с телом, ведь тело радикальным образом отброшено. *Реальное* задает топологию, которая не может быть основана на теле, имеющем границы, отделяющие внешнее от внутреннего, и по отношению к которому объект может стать экзистимным. <...> Но эту топологию можно сравнить с топологией тора (бублика). Она формирует отношение внешнего и внутреннего вокруг двух дыр — той, что вокруг внешней окружности, и той, куда вписана внутренняя, внутреннее и внешнее не отделены, одно перетекает в другое» [11, с. 183]. Именно с неумением воспринимать окружающий мир через оппозицию внутреннее/внешнее коррелирует потребность аутиста особым образом относиться к вещам и своему жизненному пространству. Вещь оказывается необходимой не в силу признанных за ней ценностных качеств, а в силу самой потребности аутиста упорядочивать действия при ее неизменном как символическом, так и внесимволическом присутствии.

Аутист создает шаблоны и ритуалы гештальт-поведения, чтобы чувствовать себя в безопасности. «Эти ритуалы могут казаться долгими и сложными для обычных людей. Однако для человека с аутизмом этот ритуал является одним действием, и без какой-либо его части (например, человеку не дали закончить ритуал) всё действие будет неоконченным, незнакомым и пугающим» [3, с. 10]. В восприятии аутистом окружающего мира ритуалы приносят спокойствие и порядок в повседневную жизнь, которая иначе была бы непредсказуемой и пугающей. Именно поэтому возникает одержимость

существующим порядком, поскольку при изменении любой детали сцена-гештальт становится незнакомой и пугающей.

Такой способ ориентации в мире А. Беггс называет «пространственным мышлением» и подчеркивает, что оно не основано на визуальном восприятии: «Пространственное мышление – метод организации вещей в моем сознании. Он не визуальный (хотя многие люди думают, что визуальное и пространственное являются синонимами)... это другой способ мысли, который не ориентирован на представление чего-либо» [14, с. 279]. Следовательно, переживание вещей есть попытка сохранить их значение: аутист стремится к удержанию известного смысла и избеганию неизведанного Другого. Также надо иметь в виду то обстоятельство, что многие активно участвующие в выстраивании социальных отношений субъекты не в меньшей степени подвержены созданию собственной территории. Ярким примером подобного процесса выступают так называемые «личные страницы» с механизмами отбора допустимых социальных групп и контактов в глобальном пространстве Интернета. Таким образом, особая значимость при формировании собственной территории уходящим от социальных связей субъектом принадлежит сокращению *пространства воображаемого*, которое соотносится с непредсказуемым и пугающим Другим. Как следствие этого, при ограничении пространства воображаемого на его месте субъект создает собственный символический порядок.

Ограничение человеком пространства воображаемого характеризуется вполне определенной связью: при неподвластном для субъекта увеличении возможности коммуникации происходит уменьшение пространства воображаемого. Таким образом, ограничение воображаемого, свойственное при социальной изоляции, *в целом* выступает областью сдерживания непредвиденной коммуникации и создания субъектом собственного устойчивого символического порядка. Понимание и анализ факторов сдерживания и уменьшения коммуникации особенно значимы в ситуации глобального коммуникационного роста: именно глобальные коммуникационные технологии исследователи сравнивают с опытом возвышенного, интерпретируя его принципиально отличным образом от соответствующих идей И. Канта.

Кант говорил о том, что «нашему воображению присуще движение в бесконечность, а нашему разуму – притязание на абсолютную тотальность как на реальную идею, само несоответствие этой идее нашей способности оценивать величину вещей чувственного мира побуждает чувство нашей сверхчувственной способности» [8, с. 120]. В ситуации, когда чувственное восприятие безмерности природы подводит воображение к своему пределу, разумная способность схватывает то, что для чувств выступает безмерным.

Однако в ситуации постсовременности проблематика возвышенного раскрывается через его соотнесенность с такими явлениями, как невероятная сила и скорость технологий, глобальные коммуникационные процессы, террористическая угроза. Как отмечает С. Морли, в концепциях современных французских мыслителей Ж. Лиотара и Ф. Джеймисона жизнь представлена в терминах возвышенного как «экстремальное пространственно-временное сжатие, создаваемое глобальными коммуникационными технологиями и приводящее к ежедневному дестабилизирующему и чрезмерному восприятию» [16, с. 12]. Чрезмерность восприятия выступает как явленная чуждость, не контролируемая человеком. Восприятию возвышенного сопутствуют чувства страха, угнетения, которые оказывают дестабилизирующее воздействие на человека. Воображение подходит к своему пределу – более не спасаемое *классическим* разумом, оно приводит субъекта к травмирующей трансгрессии.

В опыте социальной изоляции личность оказывается в условиях отчуждения от общества. Отстранение вызвано стремлением образовать субъективный мир, когда человек частично или полностью исключает себя из общественных отношений, сокращает межличностные контакты и взаимоотношения. А погружение во внутренний мир сопровождается отчуждением от привходящего опыта открытия жизни. Феномен аутизма, разворачивающийся как социальная изоляция, заставляет обратиться к болевым точкам социальной реальности: «Теперь вещи как знаки не устремляются к своему означаемому, а пребывают в бесконечной игре смещения смысла» [7, с. 22]. Необходимо только отметить, что опыт индивидуального аутизма не тождествен ситуации так называемого «социального

аутизма», при котором человек или целое общество замыкаются на собственных ценностях, целях и оказываются невосприимчивы ко всему тому, что отлично от них.

Вслед за американским психиатром С. Барон-Коэном, который определяет аутизм как систематический сбой навыка коммуникаций, А.К. Секацкий настаивает на том, что этот феномен выражает неприятие социальных стратегий лжи, в том числе и таких, как притворство, вежливость, тактичность [1]. Аутисту требуется искренность и неподдельность чувств. Воспринимая всё сильнее, чем обычный человек, он оказывается «человеком без кожи»: страдает от аффектов, но при неподдельном чувстве к нему идет на контакт. В противном случае невозможность овладения социальными стратегиями приводит аутиста к исключительному погружению в свой внутренний опыт.

Совершенно справедливо в исследованиях, посвященных социальной изоляции, указывается, что даже не-встреча субъекта с тем, что является неопределенным, оказывает деструктивное действие на субъекта. «Опыт, который разворачивается при феномене социальной изоляции как страх столкновения с неопределенным, устремлен не к своему утверждающему проявлению, а в большей степени к эмоциональной и коммуникационной скованности» [10, с. 44]. Именно поэтому избегание пространства воображаемого выступает для человека уменьшением травматичного опыта при встрече с непредсказуемым Другим. Но в этой ситуации воображение остается в невыраженном состоянии и впоследствии возникает риск его проявления в спонтанных и опасных для социума формах.

При травматичной встрече с Другим человеку сопутствует страх столкновения с неопределенным. Этот страх из скованности в коммуникации переходит в отрицание общения с другим человеком. Если требуется принять решение, у находящегося в недоверии к социуму субъекта могут преобладать насильственные способы решения конфликтов.

Аналитика травматичного Другого в качестве причины социальной изоляции требует дополнительного исследования социокультурного фона, на котором возникает отчуждение людей друг от друга. Ключевым в этом отношении выступает изначально противоположный

отчуждению процесс — именно формирование массовой культуры, которой, по мысли Д. Белла и Ж. Фридмана, сопутствуют увеличение и упрощение взаимодействия между людьми. Распространение массовой культуры приводит к тому, что характер отношения людей друг к другу становится поверхностным и совмещен с усредненным уровнем восприятия. Тем самым открываются условия для осуществления тотальной манипуляционной власти в обществе (Т. Адорно, М. Хоркхаймер).

Трансформации массовой культуры сопутствует изменение статуса элитарной культуры. Оно происходит в ситуации противостояния локальных сообществ процессам глобализации. Элитарное выступает не оппозицией усредненному восприятию, а оказывается объектом присвоения разьединенных сообществ, входит в зону политического противостояния, идеологического утверждения и манипулирования. Массовое / не массовое начинает утрачивать демаркацию в силу изменения социальной организации. Локальные сообщества могут использовать так называемое элитарное, превращенное в маргинальное, в качестве активной идеологии для самоопределения и массового распространения идей отдельных доминирующих сообществ.

При этом в идеологической направленности массового и элитарного проступают черты «общества спектакля». Г. Дебор писал: «Спектакль — это идеология *par excellence*, так как она выражает и проявляет в своей полноте сущность любой идеологической системы: обеднение, подчинение и отрицание действительной жизни» [5, с. 112–113]. «Общество спектакля» подразумевает ложное сознание встречи, «иллюзию встречи» — в таких условиях нет и не может быть искренности.

«Маргинальный» характер элитарной культуры обнаруживает необходимость поиска того, что противоположно как массовому, так и идеологически выстраиваемому элитарному. В обеих позициях присутствует раздел между тем, что содержит в себе личностное сознание и переживание, с одной стороны, и тем, где работа мысли и процесс чувствования осуществляются в безличном «общем потоке» смыслов, идей и образов, — с другой. В культуре и организации социальной жизни именно экзистенциальное выступает их противоположностью.

Чем характеризуется оппозиция массовое / экзистенциальное?

Экзистенциальное свидетельствует о внимании человека к собственному существованию и существованию *Другого*. В этом внимании *Другой* может вызывать как радость, так мучение («Ад — это другие»). Актуализированы вопросы жизни, свободы, творчества, несогласия, ответственности, переживания. Именно необходимость внимательного соотнесения личностного жизненного топоса и присутствия другого человека подразумевает со-переживание (М. Бахтин), создание исключительной работы воображения (С. Сонтаг: «Смотрим на чужие страдания»). В экзистенциальном отношении возникают понимание и сострадание к человеку, что совсем не свойственно массовой культуре и ее проявлениям в стереотипном и «усредненном» восприятии. В пределе в массовом сознании совершенно утрачивается человеческое «я».

Экзистенция подразумевает сосредоточенное внимание ко всему личностному — такое внимание свидетельствует о том, что удерживается в качестве внутреннего напряжения поиск смыслов существования. Экзистенциальное внимание близко к позиции художника, учителя, врача или даже психоаналитика, который следит не только за ярко выраженным состоянием человека, но вглядывается в причину этого состояния, смотрит, например, на оговорки и прерывание речи.

Напротив, отношение человека, находящегося в плену массового восприятия, лишено уникального видения. Такое восприятие формируется в общем потоке смыслов-штампов и обезличенных переживаний, лишено различимости места, в котором возникает. Как раз в такой ситуации возникает «социальный аутизм». В отличие от аутистической субъективности, поведение которой во многом задано изначально и соответствует сенсорной специфике восприятия мира, социальный аутизм в большей степени есть результат неудовлетворенного присутствия человека в социуме и отказа от социальных отношений.

Феномен массового / неразличимого может быть метафорично представлен в образе *проспекта*. В петербургском тексте как городе проспектов, по мысли В.Н. Топорова, возникают типично петербургские ситуации: «с одной

стороны, темно-призрачный хаос, в котором ничего с определенностью не видно, кроме мороков и размытости, предательского двоения, где сущее и не-сущее меняются местами, притворяются одно другим, смешиваются, сливаются... с другой стороны, светло-прозрачный космос как идеальное единство природы и культуры» [12, с. 294]. Неразличимость, неясность проспекта для смотрящего есть прежде всего неразличимость того, что располагается в доверительности и близости.

На проспекте возникает антропологическая оптика, в которой утрачена экзистенциальная компонента человека как видение ближнего, что показывает А. Белый в романе «Петербург». Призрачное пространство города (туман Петербурга) — пространство неразличимости. Оно стирает ориентиры, отдаляет близких людей друг от друга и сближает неизвестных и незнакомых в чистой случайности встреч на проспекте.

Город порождает феномен фрагментарной речи. Скученность людей соединяется с тем, что никого в действительности оказывается не видно — невидимым становится тот, кто говорит. «Не было на Невском людей; но — ползучая, голосящая многоножка была там; сырое пространство ссыпало многообразие голосов — многообразие слов; все слова, перепутавшись, вновь сплетались во фразу; и фраза казалась бессмысленной; повисла над Невским; стоял черный дым небылиц» [2, с. 56]. Голоса и звуки уходят в неразличимость — остаются принципиально незавершенными. Мысли отделяются от субъектов, слова отделяются от тел — утрачивают свое место, разлетаются по проспекту и наполняются бессмыслицей, именно бессмыслица — *небылица* — то, чего нет, становится очевидной.

Революционная идеология-оптика, представленная в романе, оказывается безразличной к тому, что находится вблизи, а то, что все-таки пребывает вблизи, в равной мере предстает как отдаленное. Чувства близости, родства оказываются подавленными идеологическими схемами. Проброшенная в будущее мыслительная конструкция допускает подмену родственного переживания скептической мыслью по отношению к существующим семейным и родовым человеческим ценностям. Вместе с тем лишенность переживания ближнего выступает как отсутствие мысли и сознания — становятся допу-

стимы «немыслимые вещи», таковы отношения между отцом и сыном, время и напряжение которых определяются идеологической матрицей и заложены в доме *бомбой*.

Оппозицией массовому восприятию являются экзистенциальное переживание и внимание к другому человеку — выход из состояния дальней, общей цели, а тем более ситуации «оправданных целью средств». Через феномен полагания дальней цели трансформируется само элитарное восприятие, приобретает черты массового. Именно в этом ключе соединения массового и элитарного при отсутствии экзистенциальной компоненты может быть представлена и проблема памяти/забвения, т. е. определения присутствия другого человека в настоящем.

Отказ от внимания к ближнему и приоритет представления дальнего приводят к тому, что другой человек оказывается за пределами жизненного внимания субъекта. Но в практическом и этическом представлении самопознание не есть то, что может быть обнаружено в изоляции от других [15, с. 7]. В этом смысле важно обратить внимание на то, что кризис массового восприятия выражается не столько в невозможности выработать «общий язык» с другим человеком, сколько в непонимании необходимости найти человека в родовом этосе существования.

В зависимости от реальных мест присутствия философии и мест обитания философов создаются разные типы и режимы действия субъективности. Различие происходит оттого, что разные типы философии ориентированы на специфические типы понимания реального: если для академического типа философии более значим рационально определяемый и постигаемый мир, то для *событийной* мысли маргинальных сообществ значимы мир выпадающих данностей, маргинальные стратегии социализации.

В этом смысле аналитика причин и процессов социальной изоляции оказывается именно

тем местом, на котором проверяется действенность событийной мысли. Социальная изоляция требует соответствующих форм рефлексии, учитывающей пространственную и личностную взаимосотнесенность.

Анализ травматичного существования человека как субъекта социальных отношений показывает, что формами такого существования выступают избегание Другого и образование социальной изоляции. Причинами разобщения субъектов являются как индивидуальные особенности (аутизм), так и трансформационные процессы социокультурной реальности, при которых происходит отчуждение людей друг от друга и становится невозможным доверительное социальное взаимодействие.

Неустойчивость границы между массовым и элитарным актуализирует проблему экзистенции в социокультурной реальности. Осознание того, что важно не пройти мимо мира другого человека, пережить его присутствие, находиться с ним рядом, становится ключом к восприятию, внимательному к окружающим людям. В отчуждении к близкому находится человек, пребывающий во власти общей идеи. Тем самым в изолированного индивида превращается непонятый близкий человек, особенности и жизненные смыслы существования которого оказывается сложно разглядеть.

При расширении области фантазмов в постсовременности, а также недейственности существующих норм и ценностей отчуждение одного человека от другого становится основанием индивидуального существования. Субъект создает свой собственный порядок, исключает себя из рискованного взаимодействия с Другим. Тем не менее адаптация человека к миру за пределами доверительной коммуникации не может быть признана в качестве положительного решения проблемы травматичного существования. Субъективность формируется в пространстве взаимодействий — так восстанавливает себя субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аутисты** и общество: аутизм как болезнь XXI века. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/2193315.html> (дата обращения: 09.03.2016).
2. **Белый А.** Петербург. СПб.: Азбука, 2011. 448 с.

3. **Богдашина О.** Особенности сенсорного восприятия при аутизме: введение в проблему // Сиб. вестн. спец. образования. 2012. № 2 (6). URL: <http://sibsedu.kspu.ru/upl/6/bogdashina.pdf> (дата обращения: 09.03.2016).

4. **Грякалов А.А.** Субъективность и топос (к определению современности) // Вестн. Рус. христианской гуманитарной акад. 2007. № 2 (8). С. 33–46.
5. **Дебор Г.** Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
6. **Декомб В.** Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / пер. с фр. М. Голованивской. М.: Новое лит. обозр., 2011. 576 с.
7. **Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.** Созвездие Горгоны (эссе об эффектах медиа). СПб.: Алетейя, 2012. 328 с.
8. **Кант И.** Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
9. **Лакан Ж.** Этика психоанализа (семинары: книга VII (1959–1960)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис : Логос, 2006. 416 с.
10. **Мартынова С.А.** Топология образования и феномен социальной изоляции // Философия образования. 2014. № 2 (53). С. 36–48.
11. **Осташенко Е.** Краткий обзор книги Эрика Лорана «Война аутизма» // Междунар. психоаналит. журн. 2013. № 3. С. 177–187.
12. **Топоров В.Н.** Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исслед. в обл. мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
13. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
14. **Beggs A.** Being a spatial thinker // Stone F. Autism: The Eighth Colour of the Rainbow. London, Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2004. 298 p.
15. **Gallagher S., Watson S. (eds)** Ipseity and alterity: interdisciplinary approaches to intersubjectivity. Rouen: Publications de l'Université de Rouen, 2004. 380 p.
16. **Morley S.** The Sublime. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2010. 238 p.

МАРТЫНОВА Светлана Александровна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
e-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

S.A. Martynova

SUBJECTIVITY AND THE TRAUMATIC OTHER

This article discusses the problem of alienation in contemporary and subjectivity beyond existential interaction. The purposes of the research consist in analytics of traumatic human experience in interpersonal relations and identification of reasons for the subject's suspicion by public. Due to representation of subjectivity beyond interpersonal relations the author uses the concept of social exclusion, which is wider than that in the M. Foucault's conception. In this article this concept has event-based interpretation. The methods of human alienation analytics are psychoanalytic, hermeneutical, structural approaches and the method of event reflection. In social exclusion human restriction of interpersonal relations is the response against the traumatic Other. The article concludes that social exclusion takes place in the spheres of individual existence and the transformation of socio-cultural reality.

SUBJECTIVITY; SOCIAL EXCLUSION; THE OTHER; MASS; EXISTENTIAL; COMMUNICATION; EVENT REFLECTION.

REFERENCES

1. [Autists and Society: Autism as an XXI century's Illness]. Available at: <http://www.svoboda.mobi/a/2193315.html> (accessed 09.03.2016).
2. Belyy A. *Peterburg* [Petersburg]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2011. 448 p. (In Russ.)
3. Bogdashina O. [Characters of Sensory Perception in Autism: Introduction to the Question]. *Sibirskiy vestnik spetsial'nogo obrazovaniya* [Siberian Herald of Special Education], 2012, no. 2 (6). Available at: <http://sibsedu.kspu.ru/upl/6/bogdashina.pdf> (accessed: 09.03.2016).
4. Gryakalov A.A. [Subjectivity and Topos (Intro for Definition of Modernity)]. *Herald of Russian Christian Humanities' Academy*, 2007, no. 2 (8), pp. 33–46. (In Russ.)
5. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 2000. 184 p. (In Russ.)
6. Dekomb V. *Dopolneniye k subyektu: issledovaniye fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to the Subject Researching the Phenomenon of Action on its behalf]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 576 p. (In Russ.)
7. Ivanenko Ye.A., Koretskaya M.A., Savenkova Ye.V. *Sozvezdiye Gorgony (esse ob effektakh media)* [Constellation of Gorgon (Essay about Media's Effects)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2012. 328 p. (In Russ.)
8. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.)
9. Lakan Zh. *Etika psikhoanaliza* (seminary: kniga VII (1959–1960)) [Ethics of Psychoanalysis (Seminars: the Book VII (1959–1960))]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p. (In Russ.)
10. Martynova S.A. [The Topological Problems of Education and the Phenomenon of Social Exclusion]. *Philosophy of Education*, 2014, no. 2 (53), pp. 36–48. (In Russ.)
11. Ostashchenko Ye. [A brief review of the book by Erik Laurent “The war of autism”]. *International journal of psychoanalytic*, 2013, no. 3, pp. 177–187. (In Russ.)
12. Toporov V.N. [Petersburg and “The Petersburg text of Russian Literature” (Introduction to The Question)]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoye*. Moscow, Progress – Kul'tura Publ, 1995. 624 p. (In Russ.)
13. Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classic Era]. St. Petersburg, The University book Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)
14. Beggs A. Being a spatial thinker / Stone F. Autism: The Eighth Colour of the Rainbow. London, Philadelphia, Jessica Kingsley Publishers, 2004. 298 p.
15. Gallagher S., Watson S. (eds). *Ipseity and alterity: interdisciplinary approaches to intersubjectivity*. Rouen, Publications de l'Université de Rouen, 2004. 380 p.
16. Morley S. *The Sublime*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 2010. 238 p.

MARTYNOVA Svetlana A. – *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru